

Корейская диаспора в Японии после Второй мировой войны (1945–1960 гг.)

© 2013

В. Гринюк

Корейская диаспора в Японии сложилась в результате колониального господства Японии в Корее. В условиях обострения «холодной войны» и образования в 1948 г. КНДР и РК корейская диаспора в Японии раскололась. Возникли ориентированная на КНДР Лига корейцев, проживающих в Японии («Тёсэн сорэн») и тяготеющая к РК Корпорация резидентов Республики Корея в Японии («Миндан»). Война в Корее углубила раскол корейской диаспоры в Японии. В 1959 г. при активном содействии «Тёсэн сорэн» началась массовая репатриация корейцев из Японии в КНДР.

Ключевые слова: корейская диаспора, Лига корейцев, проживающих в Японии, корпорация резидентов Республики Корея в Японии.

Формирование корейской диаспоры в Японии — следствие колониального господства Японии на Корейском полуострове. В Японии поселились корейские крестьяне, потерявшие на родине землю в результате мероприятий колониальных властей, а также добровольно контрактованные для работы в Японии и мобилизованные на принудительные работы в 1937–1945 гг. До окончания войны на Тихом океане корейцы в Японии были японскими подданными «второго сорта», подвергались тяжелой экономической эксплуатации и дискриминации по национальному признаку, в качестве военнослужащих японской императорской армии погибали на фронтах развязанной японскими милитаристами войны на Тихом океане. К моменту окончания войны в Японии проживало более 2,3 млн корейцев — около 10% населения Кореи¹.

Американская оккупация Японии и положение корейских иммигрантов

В период оккупации Японии американскими войсками (1945–1952 гг.) положение проживавших в Японии корейцев зависело от отношения к ним оккупационной администрации. Как отмечает американский исследователь Марк Каприо, в силу исторических причин образ корейцев, сложившийся в Соединенных Штатах, отражал предвзятость к людям этой национальности, которая была свойственна японцам. К концу XIX в. администрация президента США Теодора Рузвельта полностью отрицала способность корейцев обеспечить самостоятельное управление собственной страной. Этот негативный подход был преобладающим во время подготовки американских вооруженных сил к оккупации части Корейского полуострова. После того, как в сентябре 1945 г. армия США заняла юг Корейского полуострова, японским должностным лицам, включая генерал-

Гринюк Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Тел. 8-499-124-08-28, E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru.

губернатора, и их корейским сотрудникам было приказано оставаться на своих постах до тех пор, пока корейцы не получат необходимую подготовку и не заменят их. Командующий оккупационными войсками США на юге Кореи Дж. Ходж признавался, что и после того, как под влиянием протестов населения ему пришлось официально убрать японцев с административных постов, он продолжал в большей мере прислушиваться к ним, нежели к корейцам².

Аналогичные предрассудки в отношении корейцев были распространены и в оккупационной администрации США в Японии. Ее сотрудники не придавали важного значения проблеме положения корейцев. Американцы предполагали, что они при первой возможности вернутся в освобожденную Корею. Действительно, с 15 августа до 30 ноября 1945 г. 800 000 проживавших в Японии корейцев вернулись на родину. Американские оккупационные власти опасались, что нерегулируемый наплыв бывших корейских иммигрантов вызовет в Корее вспышки инфекционных заболеваний и приведет к усугублению и без того тяжелой экономической ситуации в стране. Поэтому штаб оккупационных войск в ноябре 1945 г. ввел для возвращавшихся на родину корейцев ограничения на вывоз из Японии денег (до 1000 йен на человека — сумма, которой едва хватало на проживание одного человека в течение недели) и имущества (до 250 фунтов веса на человека). Это несколько ослабило поток переселенцев из Японии в Корею, тем не менее до августа 1947 г. еще 590 000 корейцев выехали на родину. В конечном итоге около 600 000 корейцев предпочли остаться в Японии.

Причины этому были разные. Многие иммигранты утратили связи с родиной, у них уже не было там экономической базы. Корея в те дни пребывала в состоянии разрухи и хаоса, южные провинции, откуда были родом большинство иммигрантов, страдали от разрушительных наводнений и эпидемий. У некоторых переселенцев вызывали беспокойство разговоры о том, что соотечественники в Корее не жалуют тех, кто в свое время покинул родину. Были случаи, когда иммигранты уезжали в Корею, но вынуждены были возвратиться в Японию, так как не сумели устроить свою жизнь на родине. Кроме того, оккупационные власти, заботясь о создании и защите в Южной Корее антикоммунистического политического режима, запретили выезд из Японии в Корею членам Коммунистической партии Японии — этническим корейцам. Характерно, что две трети корейских иммигрантов, оставшихся в Японии после войны, были люди, прибывшие в Японию до 1930 г. и устроившиеся здесь на постоянное жительство³.

Позиция Штаба верховного главнокомандующего союзных войск в Японии (SCAP, главный штаб оккупационных войск) в отношении корейцев была двусмысленной. В изданной 1 ноября 1945 г. Государственным департаментом, Военным и Военно-морским министерствами США «Основной директиве Верховному главнокомандующему союзных войск по поводу оккупации и контроля Японии на первоначальный период после ее капитуляции» в части, касавшейся постоянно проживающих в Японии корейцев, говорилось: «В пределах, дозволяемых с точки зрения военной безопасности, с китайцами (выходцами с Тайваня), а также с корейцами следует обращаться как с представителями освобожденных народов. На них не распространяется термин «японцы», использованный в данной директиве. Но поскольку они до настоящего времени являются японскими подданными, в необходимых случаях с ними можно обращаться как с населением вражеского государства»⁴. (С юридической точки зрения до вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в апреле 1952 г. корейцы оставались японскими подданными. — *Прим. авт.*).

Корейцы желали, чтобы к ним относились как к людям, освобожденным от гнета японского империализма, а не как к японским подданным второго сорта, каковыми их по-прежнему считали японцы. Радость корейцев по поводу освобождения родины вызывала у японцев горечь и злобу. В условиях разрухи в стране обострилась борьба за жизненно необходимые ресурсы. Корейцы по-прежнему оставались маргинальной группой

японского общества, не могли рассчитывать на достойную работу, и их уделом был тяжелый неквалифицированный труд или торговля на черном рынке.

Так как Соединенные Штаты в большей мере беспокоили вопросы стабильности в Японии, чем проблемы прав человека, тема корейского меньшинства отнюдь не была приоритетной для Штаба верховного главнокомандующего союзных войск⁵. Первоначально руководство оккупационной администрации США и японская администрация договорились, что корейцы, которые не возвратятся на родину, останутся под юрисдикцией японских властей, и их статус будет определен в рамках будущего мирного договора.

Сотрудники SCAP знали о том, что в период колониального господства Японии в Корее многие активисты движения за национальную независимость были связаны с коммунистами. Поэтому они смотрели на проживающих в Японии корейцев как на потенциально подрывные элементы. Взгляды штаба оккупационных войск США на корейское меньшинство совпадали с мнением о нем японского императорского правительства.

Преодолев первоначальный шок в связи с поражением и оккупацией Японии и убедившись, что оккупационные власти США не имеют четкой линии в отношении корейского меньшинства, японское правительство стало выступать с острыми нападками против корейцев. Их обвиняли в создании черного рынка, в высоком уровне преступности, распространении болезней, уклонении от уплаты налогов и т.п. В ноябре 1946 г. японская полиция разместила в столичном районе Уэно плакаты, содержавшие предостережение об опасности краж со стороны корейцев. Со своей стороны, штаб оккупационных войск содействовал разжиганию антикорейских настроений в обществе. Его представители выразили озабоченность опасностью распространения корейцами (незаконными иммигрантами, возвращавшимися из Кореи) холеры, и не противодействовали антикорейским выпадам японских властей. По рекомендации оккупационной администрации США японское правительство 2 мая 1947 г. распоряжением № 207 ввело регистрацию иностранцев⁶. Согласно этому распоряжению, отличавшемуся словесной изворотливостью, проживающие в Японии корейцы объявлялись «иностранцами, имеющими японское подданство», и были обязаны регистрироваться в таком качестве⁷.

Корейская диаспора в Японии в обстановке обострения холодной войны

После того, как была развязана против СССР Соединенными Штатами Америки «холодная война», США отказались от первоначальных целей оккупации Японии, а именно от проведения реформ в побежденных странах, и стали добиваться превращения Японии в «заслон против коммунизма». Американские оккупационные власти осуществляли свое правление в Японии, используя японскую бюрократию (в стране функционировало национальное правительство), и доверяли японской стороне те аспекты внутренней политики, которые не влияли на безопасность и стабильность государства. Поэтому дискриминация в отношении корейцев сохранялась и фактически, и юридически⁸.

О жизни корейцев в тот период выразительно повествует в своей книге «Дзайнити» (японское обозначение корейцев, постоянно проживающих в Японии) Кан Сан Чжун — первый в истории японский кореец, преодолевший препоны дискриминации и добившийся положения профессора Токийского университета: «Как отражено в исторических записях отдельных префектур, округов, городов, поселков и деревень Японии, а также в архивных документах полиции, корейцев считали гражданами «третьего государства» (то есть людьми, не имевшими отношения ни к союзным государствам-победителям, ни к побежденному государству (Японии); термин, который использовали американские оккупационные власти — *Прим. авт.*) Своим занятием теневым бизнесом и преступными деяниями «дзайнити» якобы вносили расстройство в японскую экономику,

нарушали общественный порядок и добрые традиции. О признании вклада корейцев в развитие экономики, общества, культуры Японии не могло быть и речи.

Так было и в Кумамото. Более того, можно сказать, что в этом городе, где еще до войны имелась питательная среда для милитаризма, были особенно сильны предрассудки, предвзятость и дискриминационное отношение к корейцам...

На отлогом склоне горы Маннитияма лежал, будто перед кем-то пресмыкаясь, поселок «дзайнити». Здесь в бедных бараках жили, сохраняя тесное сплочение, более ста семей корейцев...

Жители поселка поддерживали свое существование, разводя свиней и нелегально торгуя неочищенным сакэ собственного изготовления. Других способов обеспечить себе пропитание у них не оставалось. Повседневно можно было наблюдать сцены, как в пьесе М. Горького «На дне». Вспыхнувшая на родине гражданская война отобрала у «дзайнити» надежды и разбила мечты об освобождении. Люди лишились места назначения, к которому прежде стремились, поэтому их обуревали печаль и гнев. Они делились друг с другом этими чувствами, и атмосфера в поселке была как внутри работающего парового котла высокого давления»⁹.

Чтобы защищать свои права, «дзайнити» сразу же после объявления капитуляции Японии начали создавать свои организации. Уже 20 августа 1945 г. в Японии насчитывалось около 300 местных ассоциаций корейцев. 10 сентября при участии 44 представителей корейской диаспоры, прибывших из районов, в Токио состоялось заседание комитета по подготовке учредительного съезда Тёрэн (Ассоциации корейцев, проживающих в Японии). В число учредителей Тёрэн входили разные по жизненному опыту и политическим взглядам люди: националисты, коммунисты, а также прояпонские элементы, активно содействовавшие японским властям во время войны. На пост заместителя председателя подготовительного комитета прошел прояпонски настроенный Кон Ир, он даже выступал с докладом на учредительном съезде Тёрэн 15 октября 1945 г. Молодые делегаты съезда распространили в зале заседаний отпечатанный на ротаторе текст статьи, озаглавленной «Выметем из Тёрэн коллаборационистов и национальных изменников!» 16 октября, на второй день работы съезда группа делегатов выгнала Кон Ира из зала заседаний. Видя это, съезд покинули и другие коллаборационисты¹⁰.

Учредительный съезд Тёрэн принял программу, которая объявила целями ассоциации всемерную поддержку строительства новой Кореи, стабилизацию жизни соотечественников в Японии, содействие возвращению «дзайнити» на родину и обеспечение порядка при переезде. Руководящие позиции в Ассоциации корейцев, проживающих в Японии, заняли коммунисты. Это было естественно — Коммунистическая партия Японии была единственной политической партией в стране, выступавшей против колониального закабаления Кореи, а корейцы — члены КПЯ пользовались у соотечественников непререкаемым авторитетом. 10 октября 1945 г. по распоряжению оккупационной администрации из японских тюрем освободили коммунистов. В этот день из тюрьмы Футу вышел руководитель КПЯ Токуда Кюити и вместе с ним 16 членов компартии, в том числе кореец Ким Чё Нэ. Среди людей, встречавших освобожденных узников, было несколько сотен корейцев с красными флагами, они приветствовали коммунистов возгласами «Мансэ!» (то же самое, что «Банзай!» по-японски). Это было выражение чувства благодарности коммунистам¹¹.

Ассоциация корейцев, проживающих в Японии, стала влиятельной организацией, успешно отстаивавшей интересы «дзайнити». Она добивалась от японских компаний, использовавших труд корейских рабочих, выплаты задержанной зарплаты, и при этом также обеспечивала прочную финансовую базу собственной деятельности¹². Кроме того, Тёрэн распределяла среди «дзайнити» продовольственную помощь, которую выделяли оккупационные власти и японское Министерство благосостояния. Первоначально главной заботой ассоциации была организация возвращения на родину соотечественников,

угнанных в Японию. В обстановке хаоса и разрухи после капитуляции, когда японское правительство выпустило из рук контроль за положением в стране, а оккупационная администрация еще не отладила механизмы управления, Тёрэн с согласия оккупационных властей распоряжалась движением судов между портами Японии и Кореи, а также поездов, перевозивших репатриантов в пункты погрузки, регулировал их численность¹³.

Другим направлением деятельности Тёрэн стала организация курсов по изучению корейского языка и корейских национальных школ. В соответствии с линией ассимиляции корейцев, которую проводила японская империя, начиная с 1935 г. в Японии полностью прекратилось преподавание корейского языка и было запрещено его использование. Дети «дзайнити» плохо знали родной язык, так как до августа 1945 г. могли говорить на нем только дома, общаясь с родственниками. Корейская молодежь горела желанием вернуться на родину и участвовать в строительстве нового корейского государства, но слабое владение родным языком представлялось серьезным препятствием. Ассоциация корейцев, проживающих в Японии, организовывала курсы корейского языка для ускоренного обучения детей репатриантов. Однако к лету 1946 г. поток корейцев, переезжавших на родину из Японии, резко уменьшился из-за тяжелого положения в южных провинциях Кореи, откуда происходили большинство «дзайнити». Тем не менее мечта о возвращении в Корею продолжала согревать души корейцев, они желали обеспечить детям полноценное образование на родном языке, поэтому Тёрэн развернула работу по учреждению корейских национальных школ.

В 1946 г. в Японии насчитывалось 525 начальных и 4 средних корейских школ с числом учащихся соответственно 42 182 и 1180 человек, в 1947 г. — 541 начальная, 7 средних и 8 средних школ второй ступени с числом учащихся соответственно 56 961, 2761 и 358. В 1948 г. действовало 455 начальных и 7 средних корейских школ с численностью учащихся соответственно 48 930 и 1229 человек, в 1949 г. — 288 начальных и 16 средних корейских школ с 32 368 и 4555 учащимися¹⁴. Сокращение числа корейских школ и контингента учащихся в 1948 г. произошло из-за противодействия со стороны японского правительства и штаба оккупационных войск. Чиновники японского министерства образования пытались проводить прежнюю политику ассимиляции в отношении корейцев и вынуждали их отдавать детей на учебу в японские школы. Однако, как видно из приведенных данных о количестве школ с обучением на корейском языке, корейская диаспора сумела отстоять большую часть национальных учебных заведений.

Усмотрев в деятельности корейских школ «проблему общественной безопасности», начальник Департамента школ Министерства образования 24 января 1948 г. направил губернаторам префектур и округов извещение «Об отношении к корейским школам». В нем указывалось, что национальные школы нельзя признавать, поскольку они не отвечают Закону о школьном образовании в Японии. Во многих районах происходили конфликты между представителями властей, пытавшихся закрыть корейские школы, и защищавшей их корейской общиной. Такие инциденты имели место 31 марта в г. Ямагути, 8 апреля в г. Окаяма, 12 апреля в г. Осака и 20 апреля в г. Токио. Повторная демонстрация в г. Осака 26 апреля собрала около 30 тыс. участников. Утром 24 апреля в г. Кобэ 3 тыс. корейских демонстрантов собрались у здания префектуральной администрации. Группа активистов потребовала встречи с губернатором префектуры Хёго Кисидо Юкио. После того, как губернатор попытался уклониться от встречи, около 60 человек ворвались в его офис, поломали мебель, избили Кисиду и заставили его отменить распоряжение о закрытии корейских национальных школ в префектуре. В этой ситуации оккупационные власти были вынуждены объявить чрезвычайное положение — это был первый и единственный случай за все время оккупации Японии. Военная полиция США арестовала 1176 человек, «похожих на корейцев» (в это число вошли выходцы с Окинавы, китайцы с Тайваня, а также японцы). 75 человек предстали перед американскими военными судами, семеро активистов были приговорены к каторжным работам сроком от 10 до 15 лет¹⁵.

Американская оккупационная администрация в Японии рассматривала меры по ликвидации корейских национальных школ как противодействие распространению коммунистической идеологии, так как именно члены Компартии Японии руководили деятельностью Тёрэн. События 24 апреля вызвали массовые возмущения не только в Японии, но и за пределами страны. В Южной Корее общественность расценила репрессии против национальных школ в Японии как возрождение прежней колониальной политики ассимиляции в отношении корейцев. Под влиянием демонстраций жителей южной части Кореи действовавшая там военная администрация США выразила Штабу верховного главнокомандующего союзных войск в Японии настоятельное пожелание урегулировать положение с корейскими школами. Одновременно в Китае и в США газеты выступили с осуждением подавления американскими оккупационными войсками прав человека и демократии. В целях восстановления спокойствия SCAP направил письмо в Министерство образования Японии. В результате в мае 1948 г. Министерство образования и Комитет образования корейцев Тёрэн обменялись меморандумами о том, что корейские национальные школы будут соблюдать Закон о школьном образовании в Японии, но могут выполнять самостоятельные учебные программы в рамках, признанных для частных школ¹⁶.

Возникновение на Корейском полуострове в 1948 г. двух корейских государств привело к усилению политического противостояния в среде корейской диаспоры в Японии. Прояпонские и правые элементы из числа корейцев, отторгнутые Тёрэн на учредительном съезде ассоциации, еще в октябре 1946 г. создали Корпорцию корейских резидентов в Японии (с 1948 г. — Корпорация резидентов Республики Корея в Японии «Миндан»). Ее возглавил Пак Рёль, который до 1945 г. отбывал пожизненное заключение в японской тюрьме за разработку плана покушения на наследного принца Хирохито (с 1925 до 1988 гг. императора Японии). Миндан стремился сформировать правое течение в среде «дзайнити». Первоначально эта организация была слабой и в отличие от Тёрэн не имела отделений в районах¹⁷. Подавляющее большинство корейцев, проживавших в Японии, осуждало правых и поддерживало Тёрэн, тяготевшую к КНДР. В то же время Миндан ориентировалась на Республику Корея.

По мере обострения холодной войны оккупационная администрация США и правительство Японии усиливали репрессии против Компартии Японии и левых организаций, в том числе и против Ассоциации корейцев, проживающих в Японии. В связи с образованием Корейской Народно-демократической Республики 9 сентября 1948 г. Тёрэн намеревалась вывесить на зданиях всех своих офисов государственные флаги КНДР, однако SCAP запретил эту акцию. После того, как на зданиях ассоциации вопреки запрету были подняты государственные флаги КНДР, прибывшие полицейские пытались их снять, в нескольких случаях произошли столкновения с активистами ассоциации. Один корейский юноша был застрелен полицейским¹⁸.

В 1949 г. в ответ на активизацию левых сил японское правительство издало распоряжение «О регулировании организаций», которое позволяло распускать «анти-демократические группировки, прибегающие к насилию». В сентябре 1949 г. Тёрэн была распущена. Вслед за этим правительство распорядилось прекратить в корейских школах проведение уроков на корейском языке и предупредило, что при невыполнении этого распоряжения школы будут закрыты. Вскоре 92 корейские школы были ликвидированы, в 245 школ поступило указание внести изменения в учебный процесс¹⁹. Продолжая давление на корейскую диаспору, правительство в ноябре 1949 г. пересмотрело правила регистрации иностранцев в сторону их ужесточения. Левые активисты из вынужденно прекратившей деятельность Тёрэн позднее, в январе 1951 г., сформировали новую организацию — Единый демократический фронт корейцев, проживающих в Японии (Минсэн).

С началом 25 июня 1950 г. войны в Корее раскол корейской диаспоры в Японии стал основательным. Люди левых убеждений опасались, что в результате войны Корея может стать колонией США, и поставили своей целью защиту КНДР. Через три дня после начала войны был учрежден «Центральный комитет обороны отечества», под его руководством формировались «отряды обороны». Центральный комитет обороны наметил курс решительной борьбы, в том числе и силовыми методами²⁰.

Сторонники КНДР забрасывали бутылками с зажигательной смесью полицейские участки, предпринимали акты саботажа на заводах, работавших на войну в Корее, и на военных базах США²¹. Известный корейский поэт Ким Си Чжон писал, что 90% проживающих в Японии корейцев поддерживали акции, направленные против действий вооруженных сил США в Корее. Он вспоминал: «Железнодорожные составы были загружены бомбами, и остановка поезда хотя бы на 10 минут спасала жизни 10 000 человек. Поэтому мы ложились на рельсы или портили семафоры так, что они давали только сигнал остановки. Японское правительство с помощью ЦРУ делало все, чтобы разбить нас»²².

Действиями «отрядов обороны отечества» руководили корейцы—члены КПЯ из актива Минсэн. В январе 1951 г. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий подвергло руководство Компартии Японии критике за «правооппортунистическую линию». После этого руководители КПЯ стали проводить «военный курс». Ввиду влияния членов компартии этот курс проявлялся и в радикализме корейских активистов «отрядов обороны отечества».

В то же время правые элементы из числа корейцев, группировавшиеся вокруг Миндан и считавшие своим ориентиром Республику Корея, выступили в защиту южнокорейского режима. В сентябре 1950 г. состоялась Всеяпонская конференция руководителей корпораций резидентов РК в Японии. Конференция приняла решение сформировать добровольческий отряд в поддержку правительства Ли Сын Мана и отправить его на фронт. Такое подразделение численностью 626 человек было создано и после обучения на военных базах США участвовало в боях против северокорейских войск и китайских добровольцев²³.

Война в Корее, вспыхнувшая и как проявление гражданской войны между частями единой нации, и в то же время ставшая реальным воплощением противостояния между лагерем социализма и капиталистическим миром, привела к ускорению процесса заключения мирного договора с Японией между США и другими странами Запада. Администрация США торопилась — Япония была ей нужна в качестве полнокровного военного и политического союзника. В сентябре 1951 г. был подписан Сан-Франциский мирный договор, в апреле 1952 г. он вступил в силу. Это означало окончание оккупации Японии и восстановление ее суверенитета. С этого времени с корейцев, проживавших в Японии, снимался статус подданных японского императора и они попадали под действие Закона о регистрации иностранцев. Недовольства со стороны «дзайнити» из-за лишения их японского подданства не было — абсолютное большинство проживающих в Японии корейцев не ценило подданства страны, которая прежде управляла их родиной как колонией. Но юридическое положение иностранцев требовало соблюдения строгих правил: они были обязаны постоянно иметь при себе свидетельства о регистрации и начиная с 14-летнего возраста у них брали отпечатки пальцев. Эта процедура была подчеркнута унижительной: снимался отпечаток указательного пальца левой руки, в процессе снятия отпечатка палец разворачивался на 180 градусов. Подобное обращение как с преступниками шокировало корейцев, особенно подростков. Хотя отпечатки пальцев не меняются в течение жизни человека, экзекуцию повторяли при продлении свидетельства о регистрации — раз в три года²⁴.

Лига корейцев, проживающих в Японии (Тёсэн сорэн) и массовая репатриация «дзайнити» в КНДР

В период с 1952 по 1955 гг. произошло несколько событий, вызвавших изменения в политическом движении «дзайнити». В июле 1952 г. в печатном органе Информационного бюро коммунистических и рабочих партий была опубликована статья признанного лидера КПЯ Токуда Кюити, находившегося в то время в эмиграции в КНР. В статье подвергался резкой критике «ультралевый курс» Компартии Японии, проводившийся в 1951 — первой половине 1952 г. В декабре 1952 г. Генеральный секретарь Трудовой партии Кореи Ким Ир Сен направил активистам Минсэн письмо, в котором указывал, что проживающие в Японии корейцы должны подчиняться Трудовой партии Кореи и руководству КНДР — ведущей силе корейской революции²⁵. С 27 июля 1953 г. на Корейском полуострове установилось перемирие. В феврале 1955 г. министр иностранных дел КНДР Нам Ир выступил с заявлением в поддержку линии мирного сосуществования. Указанные события предопределили роспуск Минсэн, который под руководством КПЯ проявлял левый радикализм и, помимо деятельности в защиту КНДР и обеспечения прав корейцев, вел борьбу и против правительства Японии. 24 мая 1955 г. Единый демократический фронт корейцев, проживающих в Японии (Минсэн) прекратил свое существование²⁶. На следующий день, 25 мая, было провозглашено создание новой организации, ориентирующейся на КНДР — Лиги корейцев, постоянно проживающих в Японии (Тёсэн сорэн). Хотя лига сохраняла идеологическую общность с КПЯ, организационно она была независима от партии японских коммунистов. Руководство Тёсэн сорэн объявило невмешательство во внутренние дела Японии своим важнейшим принципом. Характерно, что в зале, в котором проходил учредительный съезд Тёсэн сорэн, был установлен только портрет Ким Ир Сена. В атрибутике съездов Минсэн портреты Ким Ир Сена присутствовали наряду с портретами К. Маркса, В.И. Ленина и Мао Цзэ-дуна²⁷.

Программа Тёсэн сорэн включала следующие пункты: 1. Единение соотечественников вокруг КНДР; 2. Самоотверженная борьба с целью изгнания из Южной Кореи США с их приспешниками (Ли Сын Мана и иже с ним) и мирного объединения родины; 3. Защита национальных прав, интересов и свободы всех соотечественников, проживающих в Японии; 4. Обеспечение национального образования и развития национальной культуры; 5. Непокосимая защита свободы выбора гражданства и права эмиграции; 6. Содействие дружбе и добрососедству народов Кореи и Японии; 7. Запрещение производства и применения атомного и другого оружия массового поражения; 8. Солидарность с миролюбивыми людьми Земли²⁸.

Насущной задачей Тёсэн сорэн было оказание материальной помощи соотечественникам, поскольку экономическое положение корейцев было очень тяжелым. Статистические данные за 1956 г. показывают, что самым распространенным среди корейцев занятием был сбор металлолома и старых вещей. Правда, наиболее удачливые представители корейской общины, ценой огромных усилий собрав необходимый первоначальный капитал, открывали залы игровых автоматов «патинко»²⁹. Такое занятие занимало место на самом краю сферы разрешенной экономической деятельности. В Японии игра на деньги запрещена, и посетители в случае выигрыша получают вещевые призы (сигареты, шоколад, авторучку или флакон одеколона). Эти призы обменивают на деньги в лавке, предусмотрительно устроенной по соседству. «Патинко» были и до сих пор остаются любимым развлечением миллионов жителей Японии, но общественный статус владельцев залов игровых автоматов был невысок. Именно по этой причине в данной области бизнеса действовало много «дзайнити». В 1950-е гг. они только начали осваивать эту нишу. В 1956 г. 14 185 семей японских корейцев, то есть 24% общего числа семей «дзайнити», были вынуждены полагаться на правительственную материальную помощь. Для японских семей аналогичный показатель составлял 2%. Притом в сентябре 1956 г. Ми-

нистерство социального обеспечения 51% нуждающихся корейских семей выплатило пособия по бедности не в полном размере, а с вычетами (чиновники между собой называли эту меру «покорением корейцев»)³⁰. По свидетельству преподавателя одной из корейских средних школ в Токио, в 1958 г. это учебное заведение закончили около двухсот юношей и девушек, и только двое из них смогли устроиться на работу³¹.

В этой ситуации возник проект массовой репатриации «дзайнити» в КНДР. Переезд тысяч корейцев на родину отвечал интересам и руководства Северной Кореи, и властей Японии. После заключения в 1953 г. перемирия в войне в Корее экономика КНДР с помощью СССР, КНР и других социалистических стран восстановилась и быстро росла. В то же время режим Ли Сын Мана на юге Кореи не смог преодолеть экономический упадок и разгул коррупции в политике. Для развития северокорейской экономики требовались новые рабочие руки. В августе 1958 г. Ким Ир Сен заявил, что в КНДР будут рады принять на постоянное жительство всех корейцев, проживающих в Японии. Правительство республики объявило о готовности полностью нести расходы, связанные с переездом соотечественников, выплачивать им денежные пособия, предоставить работу и обеспечить образование.

Для японского правительства выезд корейцев в КНДР сулил облегчение бремени расходов на выплату пособий нуждающимся семьям и избавление от потенциальной угрозы общественному порядку. Правительственный кабинет Нобусукэ Киси в 1958 г. начал переговоры с Северной Кореей о репатриации и 13 февраля 1959 г. дал свое согласие. Практически переговоры вели представители организаций Красного Креста двух стран. 13 августа 1959 г. японо-северокорейское соглашение было ратифицировано в Калькутте Международным Красным Крестом.

Калькуттское соглашение означало для КНДР политический успех и серьезную дипломатическую победу. В условиях отсутствия официальных отношений с большинством государств мира подписание Пхеньяном признанного в международных отношениях документа с государством, которое было — ни много, ни мало — союзником США, укрепило позиции КНДР в мире³².

14 декабря 1959 г. советские пассажирские теплоходы «Крильон» и «Тобольск» вышли из порта Ниигата в Северную Корею. На их борту находилась первая группа репатриантов в 975 человек. До конца 1960 г. в КНДР прибыли из Японии 51 979 переселенцев³³. Большую роль в организации массового переезда «дзайнити» в Корею сыграла Тёсэн сорэн. Активисты Лиги корейцев, проживающих в Японии, вели активную агитацию в пользу переселения. Эта пропагандистская активность имела свои проблемы: под влиянием неумеренного расхваливания КНДР как «рая на Земле» у многих репатриантов сформировались завышенные ожидания в отношении реальной жизни в Северной Корее. Трудности в обеспечении населения КНДР продовольствием и товарами первой необходимости, жесткий контроль государства и ТПК над всеми сторонами жизни людей вызывали разочарование у многих приезжих «дзайнити». Особенно активно выражали недовольство японки — жены приехавших из Японии корейцев (их численность составляла около 1800 человек). Женщины просили у властей Северной Кореи разрешения вернуться на родину. В этой связи генеральный секретарь Трудовой партии Кореи распорядился усилить воспитательную работу среди переселенцев³⁴. После 1960 г. поток репатриантов из Японии в Северную Корею значительно сократился. Тем не менее он продолжался, и к 1984 г. в КНДР из Японии 186 рейсами теплоходов прибыли в общей сложности более 93 000 переселенцев³⁵.

Сеул остро реагировал на содействие Японии переселению большого числа «дзайнити» в КНДР. Режим Ли Сын Мана расценивал происходящее как усиление противника и потерю собственного лица. Власти Южной Кореи были настолько раздражены, что даже выступали с угрозами топить морские суда, перевозящие репатриантов в КНДР³⁶. Противоречия между Токио и Сеулом из-за проблемы переезда корейцев в Се-

верную Корею стали причиной приостановки с декабря 1958 до августа 1959 гг. переговоров о нормализации межгосударственных отношений между Японией и Республикой Корея.

* * *

Во время оккупации Японии войсками США судьба корейских иммигрантов зависела от американской оккупационной администрации. Приоритетной задачей для американских властей была отнюдь не защита прав этнических корейцев, а борьба против левых тенденций в их среде.

В обстановке противостояния Запада и Востока и войны в Корее корейская диаспора раскололась на две фракции, ориентированные соответственно на КНДР и Республику Корея. После заключения перемирия в Корейской войне КНДР при поддержке государств социалистического лагеря, прежде всего СССР, успешно развивала свою экономику. На протяжении рассматриваемого периода подавляющее большинство корейцев, проживавших в Японии, объединялись в Тёсэн сорэн — организацию, представляющую Северную Корею. При ее активном содействии в 1959 г. была начата массовая репатриация корейцев в КНДР.

1. The People's Korea. URL: http://www.korea-np.co.jp/pk/003rd_issue/chongryun/PartII0102.htm, 29 November 2002. Цит. по: *Creamer D.J.* The Rise and Fall of the Chosen Soren: its Effect on Japan's Relations on Korean Peninsula // Naval Postgraduate School. Monterey CA, 93943–5000. 2003. December. P. 8. Подробнее о формировании корейской диаспоры в Японии см.: *Гринюк В. А.* К истории корейской диаспоры в Японии. Япония наших дней. №3(13) 2012. Москва. ИДВ РАН 2012. С. 91–104.
2. *Caprio M.E.* The Forging of Alien Status of Koreans in Occupied Japan. URL: www.japanfocus.org/-Mark-Kaprio/2624.
3. *Creamer D.J.* Op. cit. P. 14.
4. Basic Initial Post-Surrender Directive to Supreme Commander for the Allied Powers for the Occupation and Control of Japan, Division of Special Records, Foreign Office, Japanese Government. Цит. по: *Caprio M.E.* The Forging of Alien Status of Koreans in Occupied Japan. URL: www.japanfocus.org/-Mark-Kaprio/2624.
5. *Creamer D.J.* Op. cit. P. 15.
6. Ibid.
7. Ibid. P. 16.
8. *Creamer D.J.* Op. cit. P. 13.
9. *Кан Сан Чжун.* «Дзайнити». Сюэйся бунко. Токио. 2008. С. 26.
10. *Ким Чан Чжун.* Лига корейцев, проживающих в Японии. Синтёся. Токио. 2006. С. 24–25.
11. Там же. С. 28.
12. Там же. С. 27.
13. *Creamer D.J.* Op. cit. P. 17.
14. Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии / Корпорация резидентов Республики Корея Японии. Центральная комиссия по национальному образованию. Токио: Акаси сётэн, 2006. С. 72. Далее: Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии.
15. *Caprio M.E.* The Cold War Explodes in Kobe — The 1948 Koren Ethnic School “Riots” and US Occupation Authorities // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus, Vol. 48–2–08. November 24, 2008.
16. *Ким Чан Чжун.* Указ. соч. С. 36–37.
17. Там же. С. 39.
18. Там же. С. 40.
19. Там же. С. 41.
20. Там же. С. 42–43.
21. *Hicks G.* Japan's Hidden Apartheid: The Korean Minority and the Japanese. Brookfield: Ashgate Publishing Company, 1997. P. 30. Цит. по: *Dewayn J. Creamer.* Cit.op. P. 19.

22. *Suzuki David and Keibo Oiwa*. "The Korean Mirror" in *The Japan We Never Know: A Journal Discovery*. Toronto: Stoddart Publishing Co. Limited, 1966. P. 180–181. Цит. по: *Dewayne J. Creamer*. Cit. op. P. 20.
23. *Ким Чан Чжун*. Указ. соч. С. 43.
24. Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 77–78.
25. *Ким Чан Чжун*. Указ. соч. С. 49.
26. Там же. С. 51.
27. Там же. С. 53.
28. Там же. С. 54.
29. Патинко — (от японского онomatического слова «пати-пати», передающего звук потрескивания). В этих игровых приборах игроки пружинным рычагом вбрасывают в игровое поле маленькие металлические шарики. Игрок покупает несколько сотен маленьких металлических шариков и засыпает их сверху в прибор. Затем он может с помощью специального рычажка регулировать скорость выстреливания шариков. Поток выстреливаемых шариков сыплется вниз через лабиринт штырей, каналов и заслонок, вызывая характерные —«пати-пати»- звуки. Большая часть шариков проскакивает вхолостую, но некоторые попадают в специальные отверстия, в результате игрок получает новые шарики, или лабиринт на короткое время перестраивается таким образом, что вероятность выигрыша (получения новых шариков) увеличивается. Ранние приборы «патинко» были чисто электромеханическими, позднее в их конструкцию был введен механизм наподобие игрового автомата, который выбрасывает дополнительные порции шариков. Именно новые шарики составляют выигрыш — их обменивают на вещные призы, за которые затем можно получить деньги.
30. *Ким Чан Чжун*. Указ. соч. С. 56–57.
31. Далекий сосед. Японо-корейский лабиринт. Кёдо цусинся. Токио, 2004. С. 49.
32. *Dewayne J. Creamer*. Cit. op. P. 24–25.
33. Далекий сосед. Японо-корейский лабиринт. Кёдо цусинся. Токио, 2004. С. 38–39.
34. Там же. С. 53.
35. Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 84.
36. *Cha V*. Alignment Despite Antagonism: The United States —Korea-Japan Triangle. Stanford, Stanford University Press. 1999. P. 91. Цит. по: *Dewayne J. Creamer*. Cit.op. P. 26.